

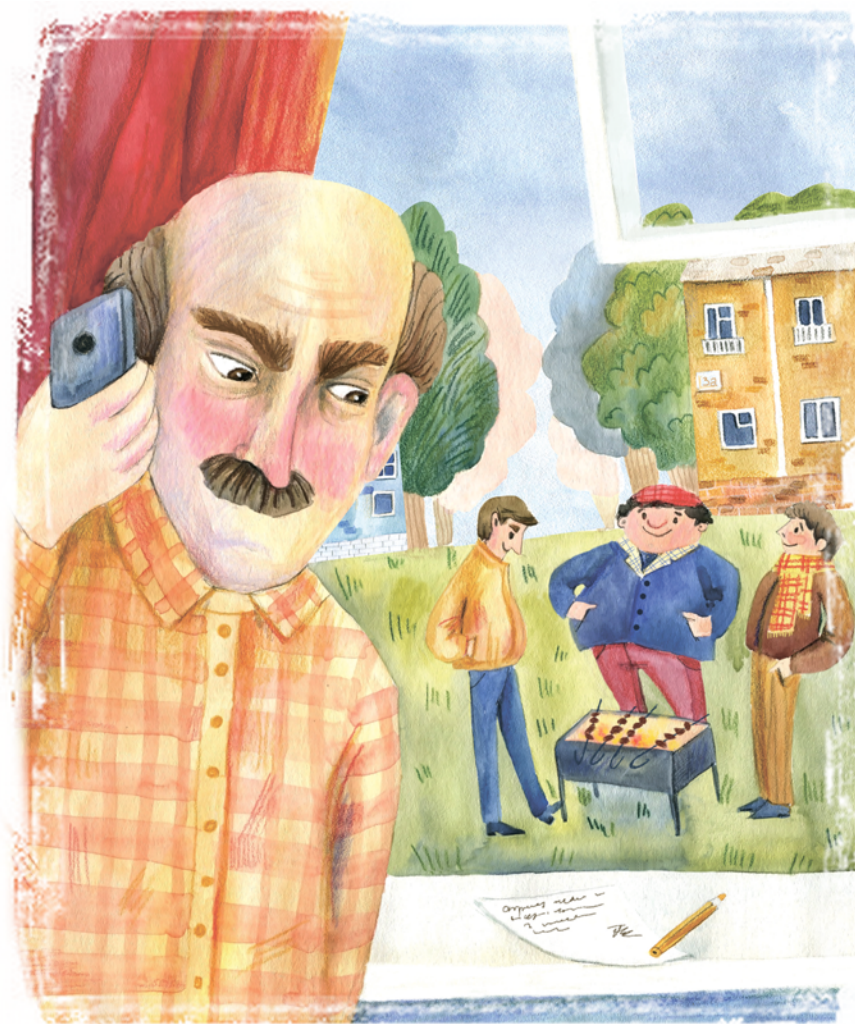
12. Про Валеру

Два года назад летом у нас во дворе мужики варили раков. Папа был очень довольный. Потирал руки, шутил шутки и хвалил обстановку и соседей: «Это в каком ещё дворе в этом городе можно такое представить? Класс! Раки! Красота!» Я не знал, что папу так легко порадовать. Мама, видимо, знала, потому что совсем не удивлялась. Я решил пойти посмотреть. Не потому, что я никогда не видел, как варят раков (хотя и поэтому тоже), а потому, что мне было интересно, что такое «красота» для моего папы.

Женщин во дворе не было, и из детей тоже никто не вышел. Уже было часов девять вечера. Собрались только мужчины. Все они были в хорошем настроении. Рядом со столом, где иногда на праздники мы всем домом жарим шашлыки на мангале, соорудили из больших камней и куска железа огнище. Дедов отправили в дозор. Они прогуливались по периметру двора, высматривали, не идут ли «предатели». Предателями у нас были несколько бабушек из соседних домов и очень правильный сосед Влад из первого дома, который сразу звонил в полицию, если мы шашлык жарили. Тогда к нам приходил участковый и составлял бумагу на всех нарушителей — разводить огонь во дворе запрещено.

Все остальные соседи страшно возмущались, потому что огонь они разводили на безопасном расстоянии от всего, но запрещено было вообще везде. Зря, конечно. Уютно, когда во дворе костром пахнет.

Я всегда приношу из дома сосиски, протыкаю их крепкой веткой и жарю на огне. Мама мне по такому случаю разрешает даже газировку пить, хотя в обычные дни говорит, что это яд.

Откуда взялись раки, я не знаю. Но для моей истории это не важно. Саша принёс большой чан из гаража, в него из шланга для полива клумбы налили много воды и поставили на огонь. Пока вода закипала, мужчины сидели за столом и вели свои мужские разговоры, в которых я пока не всё понимаю, но для этого надо ещё немного повзрослеть: про футбол, про

рыбалку и про раков. Каждому было что сказать. У каждого была «та самая история», и все смеялись, видимо, там было много шуток. Шутки я их тоже ещё не понимаю. Думаю, что у меня нет чувства юмора.

Папа всё время на меня посматривал и спрашивал, когда я пойду домой. Я и не собирался долго задерживаться. Меня немного тема футбола заинтересовала.

Про футбол интереснее говорить, чем смотреть его. Я пробовал с папой поболеть во время какого-то чемпионата за нашу команду, но у меня терпения не хватило, хотя я очень терпеливый. Мне не нравилось, что папа сильно нервничал, переживал и кричал, а я вообще не волновался. Без волнения сидеть перед телеком два часа не интересно. Я тогда ушёл в комнату и читал книгу.

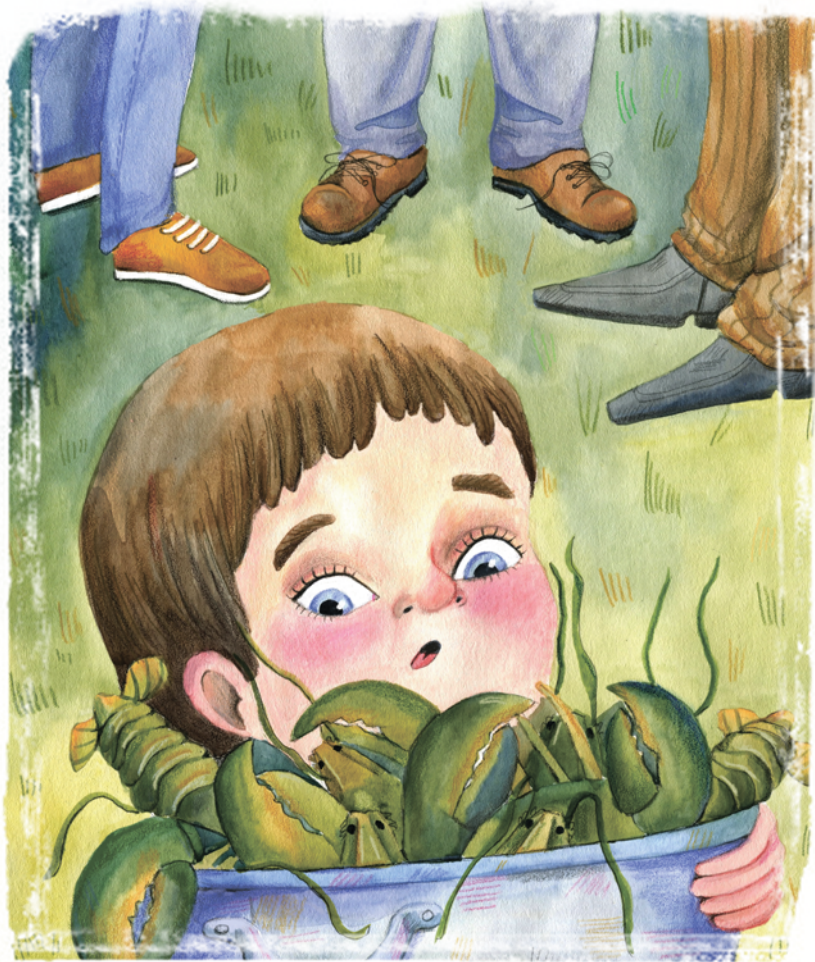
Мама иногда из кухни заходила то на папу посмотреть, то на меня и была нами обоими очень довольна. Сама она все два часа разговаривала с подругой. Два часа! Почему я знаю, потому что иногда она ей говорила: «Подожди, пойду на своих посмотрю». А потом прямо в трубку сообщала: «Читает. Футбол смотрит». Наверное, это был идеальный вечер — каждый был занят своим делом. Жалко только, что у меня книга была неинтересная. Одна из тех, что задали в школе на лето прочитать. Я ответственный. Я читаю.

Ну вот. Когда мужчины про футбол разговаривают, оказывается, что эта игра гораздо увлекательнее, чем можно себе представить. Почти как шахматы. Я решил, что ещё раз попробую с папой матч посмотреть с этими новыми знаниями. Папе было бы приятно. Я видел, что он был очень во мне разочарован, когда я в первый раз сказал, что мне неинтересен футбол, и ушёл к себе. Ему нужно было с кем-то кричать во время игры. Но я бы всё равно не кричал.

Когда принесли большой таз с раками, мужчины его обступили, стали суетиться так, что не дали мне даже в этот таз сразу заглянуть. Стояли над ним плотным кружком и повторяли: «Ну красота! Красота!» Значит, не один мой папа раков считал красивыми.

Половину раков сразу отправили в кипяток вариться. Там тоже ничего видно не было. Я не очень-то высокого роста для одиннадцати лет. Ну хорошо. Скажу прямо. Я вообще маленького роста. Но это не важная информация.

Таз с оставшимися раками отставили в сторонку на землю, и я наконец-то смог к нему подойти.

Я очень разочаровался в людях... Раков варили живыми. Они копошились в тазу, беспомощно перебирали клешнями и не знали, что они уже совсем не раки, а вторая порция... На меня такая тоска вдруг напала, как тогда, когда очень плакать хотелось.

У нас в классе есть девочка вегетарианка. У неё и мама такая же, а папы нет. И она нам рассказывала, что категорически отказывается кого-то есть, что они с мамой едят только фрукты, овощи там всякие, орехи и каши, но никогда-никогда никого живого. Я не такой. Я люблю сосиски. Хотя сосиски не живые. Я всё понимаю про курицу и говядину, но дома я еду вижу уже приготовленную. Мама права: у меня богатое воображение. Чего только я себе не представил, пока смотрел на раков. Тоскливей вечера у меня не было.

Один из раков оказался проворней других, он очень сильно двигал клешнями, умудрился добраться по другим ракам к краю таза и очень неудачно выпал из него на спину. Лежал там на траве и шевелил усами.

Я за него страшно испугался, как за родного. Я понял, что всех мне не спасти, но ему я помочь обязан. Тем более, что он больше всех других боролся за жизнь, а сейчас ещё кто-то из мужиков на него и наступить может. Я схватил рака за брюшко и побежал домой.

Дома сразу в ванную забежал, заткнул пробку в раковине, опустил туда рака и включил воду...

Что дальше? Вот об этом я подумать не успел. Это был порыв. Мама так сказала: «Это был порыв», — когда принесла домой кошку Мусю. Эта фраза очень вовремя пришла мне на ум, потому что, по крайней мере для мамы, она могла всё объяснить. Из ванной мне выходить не хотелось, но минут через десять туда постучалась мама: «Костик, у тебя всё в порядке?» У меня — да. У рака — нет. Он ещё не был в полной безопасности. Скоро домой вернётся папа. Он обещал маме «недолго».

Я вышел из ванной, закрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной и сказал маме очень серьёзным голосом: «Мама, пообещай, пожалуйста, что

ты не зайдёшь туда, пока папа не придёт». Папа пришёл через три минуты. Потому что мама тут же позвонила ему и сказала: «Лёша! Срочно зайти домой. У нас что-то случилось!» И видимо, папа спросил «что», потому что она сказала: «Я сама пока не знаю».

Мы с мамой так и стояли в прихожей, когда папа с очень тревожным лицом зашёл в квартиру. Наверное, можно было бы сказать «влетел» в квартиру. Мама просто кивнула в мою сторону, и они оба уставились на меня. У меня не было подготовленной речи. Порыв же. Я не знал, что сказать, поэтому просто медленно открыл дверь в ванную. Подошёл к раковине и сказал: «Вот. Он будет жить с нами».

Там дальше очень долго и бессмысленно что-то рассказывать. Папа с мамой снова из-за меня поругались. Папа начал ещё в ванной.

Я его понимаю лучше, чем он думает. Он начал ругаться так сильно, потому что испугался за нас с мамой и пока бежал домой, много чего успел подумать нехорошего, а тут всего-навсего рак в раковине. Ложная тревога. Он мог бы так и сидеть с мужиками, раков есть, про футбол разговаривать и зря не бегать. И ещё я понял, что снова его разочаровал, когда они с мамой быстро ушли в свою комнату пошептаться. Я слышал обрывки папиных фраз: «Это разве мужик растёт? Мне с ним через десять лет ни пива не выпить, ни раков не съесть». Ну и дальше ещё всё про спорт, мужской характер, мужские занятия и «маменькиного сынка».

Обидно. Но был и хороший знак. Мне показалось, что мама с ним не совсем согласна. Из комнаты папа вышел резко и внезапно, так что я даже не успел от двери на безопасное расстояние отскочить и притвориться, что я не подслушивал. Но мне за это не попало. Они на меня не обратили внимания. Папа быстрым шагом пошёл в коридор, а мама слишком добрым голосом сказала ему: «Лёша, ну посиди с ребятами подольше». И папа виду не показал, что именно этого он и хотел, но по спине было видно, что обрадовался.

Мама сначала избегала встречаться со мной взглядом и разговор не заводила. Она молча освободила трехлитровую банку от соленых помидо-

ров, переложила их в кастрюлю, банку помыла, потом обдала ее кипятком из чайника, налила туда воды из-под крана и сказала: «Ну... Неси своего рака. Как, кстати, его зовут?» Я аж подпрыгнул! Если мама интересуется именем моего рака, значит она согласна с тем, что теперь он член семьи! «Его зовут Валера», — сказал я.

Когда я вернулся на кухню с раком, мама стояла, согнувшись над банкой, всхлипывала, и у неё текли слёзы. Я испугался сначала, но потом понял, что мама не плачет, а смеется. До слез. Учитывая то, что ситуация с Валерой благодаря маме так хорошо разрешилась, я просто опустил рака в банку и решил никаких лишних вопросов не задавать и не выяснять, что её так развеселило. Не хотел усложнять.

Банку мама принесла ко мне в комнату и поставила на тумбочку около двери. Я лёг пораньше, долго не мог уснуть. Слышал, как папа вернулся домой. Видимо, в хорошем настроении, потому что мама что-то тихо ему сказала на кухне и он начал смеяться. Да так громко, икая и похрюкивая. Даже не боялся меня разбудить. Так мой папа смеется, когда ему действительно очень весело. И я подумал: какая же моя мама умная, что отпустила папу посидеть с мужиками на «подольше».

На следующий день была суббота. Я точно помню. Папа мне после завтрака сказал: «Ну-ка, быстро собрался, оделся, готовность пять минут!» Я решил быть очень быстрым и не спрашивать, куда мы идём, потому что о раке с утра мне папа не напоминал. Оказалось, что мы идём в зоомагазин покупать Валере аквариум!

На нас несколько продавцов пришли посмотреть, когда узнали, что аквариум нам нужен не для рыбок, а для рака. Папа держался от нас с мамой немного в стороне, будто он нас совсем недавно знает и случайно с нами в магазин зашёл, а мама очень активно спрашивала у продавца, чем кормить рака, как часто ему нужно менять воду, что должно быть в аквариуме.

Мне было приятно. Я понял, что родители очень любят меня, если готовы полюбить Валеру. А что это, если не любовь? Мама всегда говорит,

что любовь — это забота. Сейчас мы все пришли позаботиться о Валере. И особенно мне было приятно, что мы пришли втроём. Что папа не сказал: «Делайте, что хотите». Так он, кстати, сказал, когда мама Мусю принесла домой. Значит, я совершил не глупый поступок.

Аквариум Валере мы устроили очень красивый. Там были камушки и небольшая искусственная горка, за которую Валера часто прятался. Даже подсветка там была, которая ночью не выключалась. Так что перед сном я всегда мог посмотреть на Валеру и подмигнуть ему.

У нас всё хорошо. Валера с нами живёт уже два года. Несколько раз в год он меняет панцирь. Один раз он болел, на него напал грибок. Мама как-то это обнаружила и сразу обзвонила всех специалистов, чтобы понять, как его лечить. Оказалось, что специальных специалистов, которые могли бы лечить раков, нет, но мама у меня очень настырная, и она в результате раздобыла и капала Валере в аквариум какие-то капли, чтобы он мог поправиться.

Папа тоже относится к Валере с уважением. Я никогда не видел, чтобы он своих друзей знакомил с Мусей. Многие из них сто раз бывали у нас дома, но так и не знают, как нашу кошку зовут. Но вот с Валерой он их сразу ведёт знакомиться. Так и говорит: «Знакомьтесь, это Валера» — и всегда все выходят из комнаты в прекрасном настроении. Иногда переспрашивают: «Как? Валера?»

Я сначала даже думал, что их всех чем-то так радует имя Валера, но потом проанализировал и решил, что в самом имени нет ничего удивительного. Видимо, они просто радуются единственному дикому раку, выжившему в домашних условиях. Как в одном американском фильме, который мы с папой смотрели, где после глобальной катастрофы на земле выжил только один человек, и когда он встретил в конце фильма ещё других выживших, то это была для всех большая радость.

Как бы то ни было, но всякий раз, когда папины друзья приходят к нам в гости ещё и ещё, они обязательно заходят ко мне в комнату и здорова-

ются с моим раком: «Привет, Валера» — и всегда смеются. Я удивляюсь этим взрослым людям. Если всего один рак доставляет столько радости, то могут и себе раков завести. Я два года назад целый таз с раками видел...

Недавно я погуглил, что некоторые раки могут жить до двадцати лет. Это больше, чем кошки и собаки. Я очень обрадовался и тут же сообщил об этом маме с папой. Я, конечно, не знаю, сколько лет было Валере, когда я его спас, но есть надежда, что он с нами надолго.

Мама тогда сказала мне, что так как Валера мой питомец, то они с папой не будут возражать, если когда я женюсь и уйду жить отдельно со своей женой, то и Валеру заберу с собой. Конечно, заберу, если женюсь. Но об этом ещё очень рано думать, слава богу.